

Перекрестки памяти

[Вильна 1823—1824: перекрестки памяти. Сост. Федута А. И.; коммент. Лавринец П. М., Рейтблат А. И., Федута А.И.; указ. имен, Минск: Лимариус, 2008. 224 с.]

Перед нами сборник, составленный из впервые изданной на русском языке брошюры профессора истории Виленского университета Иоахима Лелевеля «Новосильцов в Вильне», мемуаров профессора русской словесности Виленского университета Ивана Лобойко «Мои записки» и приложения, в котором полностью напечатаны заново переведенные с польского языка письма Лобойко к Лелевелю. Книгу предваряет вступительная статья составителя Александра Федуты; вводные статьи к каждому из разделов написаны Александром Федутой и Абрамом Рейтблатом; автор комментариев к письмам – Павел Лавринец; в сборнике имеется указатель имен.

Составитель сборника Александр Федута отмечает, что этот сборник, вероятно, «первое издание на русском языке, цель которого – рассказать русскоязычному читателю о событиях, случившихся 185 лет назад и во многом объясняющих те узлы, которые по сей день не удается развязать во взаимоотношениях между народами» (с. 5).

Эти события представлены в изложении двух ученых Виленского университета, профессора истории Иоахима Лелевеля и профессора русской словесности Ивана Лобойко. Этим людей объединяло очень многое. При желании, в их судьбах можно разглядеть и некую мистическую предопределенность странных совпадений. Федута отмечает, что они оба родились в 1786 г. и умерли в 1861 г., мемориальные доски в их честь в Вильнюсском университете находятся рядом, оба оставили воспоминания о памятных событиях 1823-1824 гг., но, кро-

ме того, можно заметить, что их фамилии и имена начинаются на одни и те же буквы: «Л» и «И». Ученые, поляк и русский, родившиеся в разных регионах Российской империи, поддерживали дружеские отношения и состояли в переписке. Даже трагические события, повлекшие за собой разгром Виленского университета и жестокие репрессии в отношении его студентов, не разорвали эту связь.

Хронологические рамки брошюры Лелевеля охватываются 1823-1824 годами. Тематически она посвящена деятельности высокопоставленного российского чиновника Николая Новосильцова в Вильне: в ней в подробностях рассказывается история знаменитого «дела филоматов», а заканчивается она описанием судеб пострадавших. Перед читателем раскрывается истинная мотивация действий Новосильцова, повлекших за собой тяжелые репрессии в отношении студентов и преподавателей Виленского университета, самого древнего на территории тогдашней Российской империи. Разоблачение и разгром тайного общества давали ему возможность не только в очередной раз отличиться перед своим начальством, но и решить свои личные проблемы, такие как поддержание любовных отношений с княгиней Зубовой и месть куратору Виленского университета Адаму Чарторыйскому. При чтении воспоминаний Лобойко и Лелевеля о событиях 1823-1824 гг. поражает несоразмерность мотивов действий частного лица и масштаба их отрицательных последствий в истории культуры и в судьбах отдельных людей.

Вильнюс (тогдашняя Вильна) издавна был местом, в котором тесно переплетались различные национальности, религии и культуры. Его история изобилует самыми различными поворотами и перекрестками. При этом городу счастливо удавалось избегать крупных потрясений – последствий разрушительных войн, крупных религиозных столкновений и национальной вражды. Поэтому преднамеренное и циничное удушение Виленского университета, центра науки и культуры, и жестокая расправа с лучшими из его студентов оставили воистину трагический след в истории Вильнюса.

Лелевель тоже пострадал, к счастью, не столь серьезно – после отстранения от преподавания он вернулся в Варшаву. Несмотря на это, в своей брошюре он как историк старается быть объективным и раскрыть все причины произошедших событий. Впервые брошюра была напечатана в 1831 г., в разгар восстания. Таким образом, с одной стороны, текст брошюры выполняет собственно историческую функцию – повествует об определенных событиях. С другой стороны, брошюра была направлена на возбуждение патриотического духа, а также, по выражению Федуты, должна была «действовать на читателя как красная тряпка на быка». Брошюра написана довольно сухим, сдержанным языком – тем сильнее спокойный тон контрастирует с ее содержанием. Простое изложение фактов, которые говорят сами за себя, должны были вызвать сильный отклик у читателя тогдашней эпохи, впрочем, как и у теперешней. Факты «по делу Новосильцова» были гораздо красноречивее возможных эмоционально-оценочных суждений: к примеру, Лелевель приводит принятые правила надзора за студентами и учащимися гимназий, которые состояли из 10 пунктов. Приведем 2 из них, сравнительно безобидных:

- *В город на прогулки даже на гербаризацию без письменного разрешения ректора не отправляться;*
- *В местах публичных, как-то театрах, бильярде – не бывать.*

И т.д. – множество *не, не, не, не...* Но и это не помогло – университет был полностью обескровлен.

Мемуары Лобойко «Мои записки» представляют собой подведение итогов жизненного пути. Они начинаются с главки «Выезд из Варшавы в 1816 году», в которой упоминается Н. Я. Тумашев, сосланный в Бобруйск по приговору 1824 г. Это упоминание перебрасывает тематический мостик к дальнейшему повествованию о «деле филوماتов» во второй части. Если условно поделить «Записки» на 2 части, то в первой можно найти описания возникающих в 1816 г. в Петербурге различных «обществ», в том числе и Вольного общества любителей российской словесности. Кроме этого, читатель найдет там любопытные сведения о таких научных деятелях, как Раск (профессор, основатель Копенгагенского общества северных древностей), Шегрен (доктор философии), Ходаковский (русско-польский этнограф и фольклорист) и др. Эти сведения могут дать живое представление о специфике научного труда в первой половине XIX века.

Во второй части «Записок» описываются события в Вильне 1823-1824 гг. Тон повествования нейтральный, хотя за ним чувствуется горечь и разочарование. Лобойко не только не одобряет события, в которые он был, против своей воли, втянут, но и выражает сожаление о потерянных возможностях полноценной научной работы и сотрудничества с польскими учеными. Не реализовались его обширные планы в области изучения славянских языков, он был надолго отстранен от преподавания. «Записки» Лобойко заканчиваются главкой о «Вольном обществе любителей российской словесности в Петербурге в 1824 году перед его кончиной».

Таким образом, по мере чтения сборника перед читателем постепенно раскрывается целостная картина событий, происшедших в 1823-1824 гг. в Вильне и запечатленных в памяти так, как их увидели представители

двух – как показывала нам история – часто не самых дружественных лагерей, польского и русского. Лелевель был знаковой фигурой в Польском восстании, горячим патриотом, борцом за независимость Польши, однако не питал ненависти к русским. Лобойко, сторонник русификации, отрицательно относившийся к «патриотическим предрассудкам и мечтам» поляков» (с.133), тем не менее, явно им симпатизировал. Тому доказательством служат публикуемые в приложении сборника его письма Лелевелю, в которых Лобойко неизменно передает Лелевелю поклоны и, между прочим, свидетельствует об уважении со стороны своей мамы: «Моя мама и я свидетельствуем наилучшему другу м[илостивому] Лелевелю наше самое искреннее уважение...» (с.189), «Моя мама кланяется Вам» (с.195). Таким образом, на уровне частных человеческих отношений иногда оказывается возможным не замечать влияния масштабных исторически непримиримых коллизий.

Видимо, не случайно для сборника было выбрано название «Перекрестки памяти», которое весьма удачно вписывается в современный контекст. Ведь история и память – это две спорные территории, за право владеть которыми – а это значит, право конструировать историю и право наполнять память определенным содержанием – постоянно ведется борьба. Позволить героям говорить самим за себя – это способ взглянуть на прошедшие события изнутри, опираясь на восприятие тогдашних их участников. А это может способствовать возникновению у нас «лучшего знания и понимания противоречивой истории наших народов» (с.6).

Именно поэтому книга актуальна и представляет интерес не только для историков, но и для широкого круга русскоязычных читателей и, конечно же, в первую очередь, для тех, кто родился и живет в Вильнюсе или связал с ним свою судьбу.

Юлия Снежко